

Вячеслав
Береснев

Последний "Монолит"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вячеслав Береснев
Последний «Монолит»

«Автор»

2026

Береснев В.

Последний «Монолит» / В. Береснев — «Автор», 2026

Советский Союз, конец восьмидесятых годов. На старый завод в город Ивдель прибывает "Монолит-5": огромный человекоподобный робот, управляемый старым оператором Юрием Сидоровым. Эта стальная громада - всё, что осталось от программы по созданию колоссальных машин, которые называли "механтами". Пять механтов доблестно прошли сквозь всю историю СССР, от первого запуска в космос до Олимпиады и афганской кампании. Теперь же четверо из них списаны, разобраны и забыты. Последний механт прибыл в свой финальный пункт назначения. Однако Юрий Сидоров не намерен сдавать верную машину властям: ведь для него это не просто груда металла, а целая эпоха...

© Береснев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Ивдель	5
2. Клёнов	10
3. РММ	15
4. ПП-4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вячеслав Береснев

Последний "Монолит"

*"И с какими бы трудностями Советский Союз ни сталкивался,
какой бы враг ему ни грозил,
"Монолиты" и их доблестные операторы
всегда будут на страже нашего спокойствия и нашего светлого
будущего!"*
*из речи И. Лоева в честь запуска "Монолит-2",
1959 г.*

1. Ивдель

Массивная красная броня «Монолита-5» при работе реактора сильно нагревалась (особенно в районе корпуса), так что падающий снег даже не успевал приближаться к машине, тая где-то в полуметре от него. Двухсотметровый гигант был будто окружён невидимым куполом, защищающим его от падающих снежинок, и делал шаг за шагом по широкой пустой трассе, приближаясь к Ивделю.

– «Монолит-5», сзади гражданский, аккуратнее, приём, – доложил диспетчер через шуршащий динамик.

Сидоров, взяв с панели рацию, поднёс её ко рту.

– Принял, снижаю скорость.

Сверился по радарам, где примерно относительно его ног находится движущаяся машина, и немного замедлил ход. Гул реактора чуть утих, когда «Монолит-5» обогнала белая «Волга». Водитель объезжал механта чуть ли не по обочине дороги, чтобы случайно не попасть под ноги, каждая из которых могла бы превратить машину в блин толщиной с бумагу.

Ивдель постепенно становился ближе, уже различались высокие технические сооружения завода «Ивдельмаш», куда Сидоров уже несколько долгих часов вёл механта. Кабина за это время успела нагреться настолько, что с него градом катил пот – сложно представить, какое пекло было в реакторном отсеке. Привыкший к таким температурным нагрузкам Юрий Сидоров, однако, даже не замечал жары, от которой другому стало бы дурно.

Сжимая рычаги штурвала, он изо всех сил пытался осознать: это, скорее всего, его последнее пилотирование.

– «Монолит-5», приготовиться к стыковке, приём.

Внизу вокруг и до самого горизонта – серые леса, припорошённые ноябрьским снегом, окутавшие крохотный городок, который только-только просыпался. Сидоров смотрел невидящим взглядом куда-то вдаль, вспоминая, как он в первый раз зашёл в эту кабину много лет назад, и какая гордость его пробрала. Отец мог бы им гордиться.

А теперь что?

– «Монолит-5», повторяю, приготовиться к стыковке, приём.

– Слышу, Серёжа, приём. Предохранительные клапаны сняты с блокировки.

Сидоров дёрнул тумблеры на панели вверх и вдавил выскочившую квадратную кнопку. Кабина зашипела задвижками. Как только «Монолит-5» вошёл на полигон и подставил квадратную голову к специальному шлюзу на верхушке технической башни, Сидоров повернул ключ зажигания и вытащил из панели. Взвесил в руке, ещё раз посмотрев на небольшую металлическую резную головку с прикреплённой биркой «05». Этот ключ был цилиндрической формы, испещрённый вязью тонких прорезей по всей долине, вплоть до круглого основания.

– Стыковка завершена, контуры замкнуты, приём, – доложил он в рацию.

– Понял вас, «Монолит-5». Запрашиваю разрешение на съём кабины.

Сидоров уже хотел отключить связь, когда через несколько секунд диспетчер снова заговорил, уже менее официальным тоном:

– Как себя чувствуете, Юрий Павлович?

– Да вроде в порядке, – вытаскивая из стальных сапогов затёкшие ноги, Сидоров потёр колено. – Спина, правда, устала. Ты Серёж что, сегодня всё?

– Да, последний день. Один сейчас в рубке сижу. Остальных разогнали.

Почему-то Сидорову стало очень грустно от этих слов – как будто по свежей ране прошлись уксусом.

– А Оксанка где, тоже всё?

– Тоже.

Оксана и Сергей были самыми частыми его диспетчерами в последние годы пилотирования: Оксана выходила в ночные смены, а Сергей в дневные. Сидоров даже в глаза их никогда не видел, а всё же иногда чувствовал с ними какое-то неясное тёплое родство. Хоть и не разделял иллюзий, что это взаимно.

– Вот и доходились мы, а? – усмехнулся он.

– Ну будет вам, ЮрПалыч, ещё починят вашего «Монолита», может походим.

Сидоров взглянул сквозь широкие глазные линзы механта, как к кабине ползут стыковочные механизмы. «Починят»... нет, он шёл в Ивдель далеко не на починку или реставрацию.

– Может быть... – сказал он без всякой веры в собственные слова. – Давай, береги себя, Серёж.

– И вы, ЮрПалыч. Конец связи.

***

– Весь асфальт поди попортил, из города будет не выехать, – вздохнул Прохоров недовольно, наблюдая, как, войдя на полигон «Ивдельмаша», «Монолит-5» тяжёлой поступью приближается к технической башне завода, разворачивает корпус, «присоединяясь» квадратной головой к специальному шлюзу. Даже со своего места – а башня была высотой с девятиэтажный дом – Виктор Харрисон, стоящий у чёрной «Волги» рядом с Прохоровым, видел, как валит пар от выезжающей из головного корпуса «Монолита» капсулы оператора, напоминавшей небольшой трамвайный вагон без окон. Механизмы встроили его в решётчатую шахту на манер лифта и медленно начали опускаться вниз.

– А я думал, вы вопросы по «Монолиту» решать приехали.

– Это тоже, но за Сидоровым нужно приглядеть... Неоднозначная фигура. Напросился, непонятно зачем, самолично механта сюда пригнать.

– И что, верхи ему позволили?

– Ну, вести его всё же как-то надо, а старик это умеет. К тому же, «Монолит-5» ему дорог как память, это все знают. Ладно, заводись пока, я его приведу.

Подойдя к проходной полигона, Харрисон показал охраннику раскрытые корочки. Тот мгновение вчитывался, посмотрел на лицо мужчины, поднял брови и испуганно кивнул, пропуская его.

Юрий Сидоров, оператор «Монолита-5», был старым, но коренастым и широкоплечим стариком. Одетый в потрёпанный пилотский комбинезон военного образца, поверх которого была накинута протёртая куртка из коричневой кожи с меховыми отворотами, Сидоров на выходе из кабины пожал руку директору «Ивдельмаша» и ещё нескольким чиновникам, пришедшим, чтобы его встретить. Харрисон вовремя встроился в ряд, чтобы пожать ему руку

последним, и даже чуть выступил вперёд – но, увидев его лицо, Сидоров сразу попридержал руку.

– Здравствуйте, Юрий Павлович, – Харрисон приветливо улыбнулся. – Вижу, вы меня узнали.

– Узнал, – хмуро сказал Сидоров, всё ещё не пожимая руку. Почувствовав неловкость, Харрисон убрал её, кашлянув в кулак. Оглядел собравшихся людей, среди которых были и начальники завода, и простые работяги, пришедшие посмотреть на механта вживую.

– Всё в порядке? – спросил он.

Директор завода, выступив вперёд, обратился к Сидорову.

– Что касается ключа...

– Вам я его не дам, – упрямо ответил старый пилот, нахмутив брови. – Когда бригада придёт, тогда и получите. Пока что он будет у меня.

– Но это всё-таки полигон! А если нам нужно будет... перегнать его?

– Тогда ко мне и обратитесь, я перегоню. Пока пусть тут стоит.

Тон Сидорова не вызывал сомнений: спорить со стариком бесполезно. Почувствовав, что вот-вот разразится скандал, Харрисон спешно сказал:

– Что ж, всего доброго, товарищи. Дмитрий Антонович, если что, мы вам позвоним, чтобы уладить все вопросы. Юрий Павлович, идёмте со мной.

Сидоров, волочивший свои неброские пожитки, двинулся за ним по полигону, минуя недружелюбных директоров и метая взглядом молнии. Когда они отошли на приличное расстояние, Харрисон протянул на ходу ему руку, сделав ещё одну попытку.

– Виктор Харрисон, старший инспектор ДИЭМ. Прислали из управления...

– Знаю я, кто вы, – буркнул Сидоров недовольно, игнорируя протянутую руку. – Фамилия ваша... Попили вы с папкой мне крови.

Харрисон поджал губы: напоминание об отце не было в числе его любимых тем для разговора. Он опустил руку, мысленно напомнив себе набраться терпения.

– Что ж, значит, будем знакомы. Сейчас мы доедем до вашей новой квартиры, а потом проинструктируем вас по поводу вашего дальнейшего проживания в Ивделе.

– Ну да, я ж без вас как жить-то не разберусь, верно?

– Видимо, не разберётесь, – вздохнул Харрисон.

Закинув свой небольшой саквояж в багажник, Сидоров сел на заднее сиденье машины, перед этим бросив прощальный взгляд на вздымающийся над аэродромом мощный силуэт «Монолита-5». Стальной колосс всё ещё остывал, и теперь снежинки, вероятно, успевали достичь металлического слоя, прежде чем растаять.

– Добрый день, товарищ Сидоров! – бодро поздоровался Прохоров, уже в нетерпении сжимающий руль. – Большая честь!..

Харрисон сел рядом с ним, пристёгиваясь.

– Юрий Павлович устал с дороги и не в настроении. Давай просто трогай на Вяземскую. «Как будто он хоть когда-то в нём был».

– Вас понял, шеф.

Как только "Волга" мягко тронулась, Харрисон спросил:

– Я слышал, это вы настояли на стоянке в Ивделе, верно? Почему?

Сидоров ответил не сразу, хмуро глядя на пейзажи небольшого северного городка, утопающего в серых деревьях и снегу.

– Родина его здесь.

– Родина? – не понял водитель, выруливая на трассу. – «Монолиты» же под Тольятти собирали, разве нет?

– Это засекреченные сведения... – начал, было, Харрисон.

– Три под Тольятти, – перебил его Сидоров, которому явно было плевать на какую бы то ни было конфиденциальность. – Ещё один под Снежинском, но завод через год снесли. «Монолит-5» был собран здесь, под Ивделем. Проект «Гигант Урала».

Он говорил об этом с плохо скрываемой гордостью в голосе, как будто он сам лично заложил первый кирпичик в создание гиганта.

– Рад, что вы так хорошо осведомлены о тонкостях государственной программы, очень прошу впредь о ней не распространяться, – сказал Харрисон. – Срок давности ещё не истёк, и чуть что – могут применяться меры ко всем нам.

– Да было бы что там раскрывать. «Монолитов» уже не осталось, заводы позакрывали, цеха разорили. Говори, не говори, – партия срать хотела, – Сидоров недовольно смотрел в окно.

– Юрий Павлович, при всём уважении... – вздохнул Харрисон.

– Ты мне про уважение не затирай, молод ещё да зелен.

Юрий Сидоров ещё при службе был широко известен своим непримиримым сложным характером, который с каждым седым волоском, появлявшимся на голове оператора, становилось всё труднее утихомирить. Пришедший со временем упадок программы «Монолит», разумеется, не сделал его более приятным в общении человеком, а после афганской кампании партия и вовсе опасалась лишней раз привлечь Сидорова к чему бы то ни было: уж слишком спорной фигурой он после неё вышел. Не умел держать язык за зубами, и от наречий и эпитетов, которыми он иногда награждал политиков или журналистов в разных интервью, всем вокруг становилось неловко. Но внушительный послужной список, многолетний опыт, инженерные знания и репутация превосходного оператора не давали просто взять и списать Сидорова со счетов. Так что партии только и оставалось, что ждать, пока ветеран отправится на заслуженную пенсию, раз уж смерть к нему ни в каком виде не спешила.

Машина сделала ещё один поворот, въезжая в город, и взгляд Харрисона снова зацепил стальную громаду, возвышающуюся над деревьями местного парка. Через несколько дней начнётся демонтаж, и от последнего «Монолита» не останется и следа. Реактор снимут, детали пойдут на переплавку или вообще на пересадку в «Пионеры», которые и поновее и помощнее. И зачем в этом процессе ненужный балласт в виде старого упрямого оператора – вообще неясно.

«Волга» проезжала мимо родителей, ведущих зевающих детей в школу, мимо колясок и сумок, мимо ждущих автобус людей на остановках, мимо алкоголиков, собирающихся вокруг пивных ларьков, словно голуби вокруг бабушек с зёрнами, – то и дело Харрисон видел, как люди устремляли взгляды на силуэт «Монолита-5», грозно возвышающийся невдалеке от города. За последний десяток лет из пяти «Монолитов» на ходу остался только один, и как будто бы люди почти забыли, как они выглядят. А теперь вспомнили – и вид механического гиганта уже не вселял такого восторга, как в период перестройки. Особенно когда после гонки вооружений, после Афганистана и ряда других региональных конфликтов, другие страны тоже стали наращивать военную мощь и создавать свои уникальные модели механтов, громадный и неуклюжий «Монолит» стал символом гораздо более тревожным и угрожающим.

***

В Ивделе Сидорову, как почётному ветерану, инженеру и технологу, на время его пребывания была выделена трёхкомнатная квартира на десятом этаже новостройки, коих за последние годы родилось от силы три-четыре здания. Город не спешили финансировать, так что и на расширение и возведение новых домов не раскошеливались.

– Местечко тихое, спокойное, инфраструктура рядом, если понадобится... – говорил Харрисон будничным тоном, пока Сидоров осматривал новую гостиную. Ключи от квартиры

он бросил на стол рядом с пачкой подписанных документов, с ними же рядом положил ключ от механта. Расставаться с ним он явно не собирался.

– Телефонная связь проведена, тридцать рублей в месяц, мы, в случае чего, всегда на связи по номеру решётка-ноль-ноль-ноль. В экстренных ситуациях звоните, направим к вам человека... Как вы и просили, мы оформили для вас подписку на «Дело техники», каждый месяц будет поступать к вам в почтовый ящик.

– И следить за мной будете? – Сидоров перевёл на Харрисона тяжёлый взгляд, насупив брови и сведя руки за спиной. Спросил спокойно, не напряжно – и всё равно будто приставил ко лбу пистолет. Харрисон не растерялся... и тем не менее, замялся на мгновение.

– Следить? Моё начальство назвало бы это скорее дружеским присмотром, мало ли чего.

– А какой смысл? Вы же уже всё за меня давно решили.

Во взгляде Сидорова мелькнуло что-то очень... больное. Как будто обида, которую Харрисон нанёс ему лично, кольнула душу. В ответ на молчание своего сопровождающего он ухмыльнулся.

– Да бросьте, мы же оба всё понимаем. Какой к чёрту "ремонт"? Никто не собирается его ремонтировать. Вы его утилизируете и спишете. Я знаю, что программа "Монолит" закрыта. Диспетчерские узлы распущены, трассы механтов оборудуются под "Пионеров". Хватит с меня этого вашего сраного оптимизма.

Харрисон вздохнул.

– Раз вы всё понимаете, пойдите навстречу и не мешайте нашей работе, Юрий Павлович. Вам и так позволили... пожалуй, слишком много. Хотите присутствовать – хорошо, присутствуйте.

Взгляд его на мгновение стал пронзительно-ледяным.

– Только новая эпоха придёт, хотите вы того или нет.

2. Клёнов

Выйдя из подъезда, Харрисон с недовольным лицом вытащил из кармана пачку «Парламента», вытянул последнюю сигарету, сунул в зубы и стал рыться в поисках зажигалки. Высек искру, прикрыв ладонью от ветра, закурил, выпустив струйку светлого дыма в воздух. Пробежался взглядом по округе – и невольно зацепил глазами стоящий поодаль от Ивделя механт. Поморщился: никуда от него не деться. «Монолит-5» не сливался с серым горным массивом горизонта или зеленоватым лесом, наоборот выбивался своей ржавой красной громадой настолько, насколько возможно. Был ли тому виной плоский ивдельский ландшафт и невысокие постройки, или так совпал сегодняшней их маршрут, но почему-то ни разу, где бы Харрисон ни оказался, механт не исчезал из его поля зрения.

Открыв дверь машины, Прохоров выглянул вопросительно.

– Ну что, Виктор?

– Упрямяк, как осёл, – вздохнул Харрисон мрачно.

– И что делать?

– А что тут сделаешь...

Прохоров немного помолчал, о чём-то размышляя и глядя в пустоту. Харрисон, выцепив его взгляд, решил, что возможно они думают об одном и том же: почему бы партии просто не применить к Сидорову силовые методы «на всякий случай», как они иногда делали с другими упрямяками. Однако он не совсем угадал.

– Ну его ведь тоже можно понять, – рассеянно сказал Прохоров. – «Монолит» это вся его жизнь. Если бы мою ласточку разбирали у меня на глазах, я бы тоже доволен не был.

– Твоя "ласточка" – не ООГТ, – ответил инспектор. – А с этим... нам ещё предстоит разбираться. Поехали.

***

Проводив Харрисона и закрыв за ним дверь, Сидоров первым делом открыл электрощиток и перещёлкнул все выключатели, обесточив квартиру. Прислушался к её тишине: как постепенно затихает тихое гудение холодильника «Оса», как тикают из гостиной оглушительно громкие часы, как за тонкими стенами кто-то смотрит телевизор.

В следующие несколько минут Сидоров тщательно осмотрел квартиру: заднюю стенку телевизора, нижнюю сторону столешницы, прощупал подушки и матрас софы, обитый зелёной замшей. Где-то полчаса поисков по всей квартире убедили его: по крайней мере, гостиная и кухня были чисты от прослушивающих устройств. И всё же это был не повод расслабляться. Возможно, он что-то упустил.

Снова включив электричество, Сидоров позволил себе... не совсем расслабиться, а скорее сделать вид, что выдыхает с облегчением. Налил воду в чайник, поставил на плиту, включил газ.

Пройдя по гостиной, подошёл к окну, отодвинув рукой тонкую белую тюль, и посмотрел вдаль – туда, где стоял «Монолит-5». Вид возвышающейся над городом и полигоном громады как и всегда принёс Сидорову неясное облегчение: всё ещё здесь, всё ещё стоит, всё ещё на что-то способен.

– Мы с тобой, друг, ещё всем им покажем, – тихо сказал он в пустоту. На сердце его потеплело: ощущение почти что непривычное, так редко он его испытывал. В последнее время даже взгляд на дочку или фотографии жены приносили Сидорову больше внутренней боли

или грусти. «Монолит» наоборот был неизменным очагом надёжности и спокойствия для его уставшей души.

Отвернувшись от окна, Сидоров в который раз окинул взглядом чистую, уютную гостиную и подумал, что, несмотря на жёсткое кресло, в кабине «Монолит-5» ему сейчас было бы гораздо лучше.

Подняв телефонную трубку, он подождал короткого сигнала, после чего набрал по памяти номер.

– Алло, – прозвучал женский незнакомый голос.

– Здравствуйте, Виталия Аркадьича можно услышать?

Женщина ничего не ответила и не издала звука, но Сидоров каким-то образом сквозь трубку почувствовал скривившуюся на её наверняка накрашенных губах ухмылку.

– «Виталий Аркадьич»! – позвала она кого-то с издевательскими нотками. – Вашу светлость к телеаппарату изволят!

«Господь, неужели Виталия женился? – подумал Сидорович с ужасом. – Ещё и на такой гримзе...»

– Клёнов у аппарата, – послышался слегка сиплый голос.

Сидоров не сдержал улыбки.

– Виталь, ты когда жениться успел?

Голос как по тумблеру переменялся.

– Юрка, едрить твою!.. – Клёнов понизил голос. – Я твоего механта по новостям видел, у тебя там совсем шестерню заклинило? Весь Ивдель гудит...

– Понятно, что гудит. Ты на днях как, на сменах?

– Конечно, вмять, на сменах, мне три подряд поставили. А что спрашиваешь?

– Повидаться хотел. Прошное вспомнить...

– Я тебе это прошное в жо...

– ...может, по рюмашке пропустить...

– Ладно, завтра отпрошусь, но с тебя бутылка. Юр, слушай, я заранее хочу узнать: по механту неразглашение ещё в действии?

– Не телефонный разговор.

– Понял тебя. Тогда до завтра. Ты где остановился?

Сидоров с трубкой в руке окинул взглядом квартиру.

– Да мне выделили тут в новостройке двухкомнатную. Пока буду тут.

– Ну даёшь! Новоселье отмечать будешь?

– Вот считай что встретимся и отметим. У меня кроме тебя тут в Ивделе знакомых толком и нет.

– А Настасья-то не навещает тебя?

– Да куда ей, у неё же служба да практика.

– Я вроде слышал, она в «ПИОНЕР» ушла?

Сидоров недовольно сжал губы.

...– А я ей говорил, чтобы она туда не лезла, – ворчал он на следующий день, наливая в крохотную рюмку прозрачный спирт. – Куда девке-то механтов водить? В наше время не каждый мужик испытания вывозил, там же перегрузки, перегревы, трясёт не хуже чем в центрифуге...

– Да ты ж «Пионеров» видел, это тебе не «Монолиты», – отмахнулся Клёнов, взяв свою порцию выпивки. – Там даже ребёнка не укачает, всё чисто и стерильно – хоть спи.

– И всё равно я против! – настоял Сидоров, даже чуть было не хлопнул бутылкой об стол, но всё же поставил аккуратно. – Но её не уговоришь... вся в мать, упорная как баран. Если что задумала – никогда не отступится.

– Да и ты такой же... Ну, за встречу!

Одновременно выдохнув, Сидоров и Клёнов залпом опустошили рюмки, поморщили лица и закусили копчёной колбасой, щедро нарезанной в тарелку женой Витали, Алевтиной Павловной.

– Ну, рассказывай, – Клёнов сложил себе на бутерброд два куска колбасы и подсолённый огурец. Сидоров припомнил, что такие когда-то в театре продавались по десять копеек, и во время антрактов разлетались очень быстро. – Ты ж не студенчество вспоминать меня позвал?

– А ты как догадался?

– А ты всегда таким был. Если позвал, значит, тебе что-то надо. Учти, «Монолит-5» я чинить не стану...

– Во-первых, мне-то хоть пургу не гони, – остановил его Сидоров. – Знаю, что станешь, тебе любопытство в жопе дырку выжжет, если ты внутрь государственного механта не заглянешь. А во-вторых, – он понизил голос, – не надо мне его чинить. Наоборот.

Сидоров удивлённо уставился на него, на несколько секунд даже забыв жевать. Проглотил бутерброд.

– Ты разобрать его хочешь? – не поверил он.

Сидоров качнул головой, склонившись над столом ближе к Клёнову.

– Я знаю про РММ-0.

...Хоть в сознании советского человека и закрепилось, что «Монолитов» всегда было пять, на самом деле полный состав существовал очень короткий срок: всего три года. Механты долго и тяжело строились, так что между созданием «Монолита-1» и «Монолита-5» прошло около двадцати лет, и последний во многом технологически опережал своего «дедушку», который уже тогда дышал на ладан. Наконец, когда первый «Монолит» начал чуть ли не разваливаться на ходу, правительством была утверждена программа «Крыло»: механтов снабжали специальными ракетными модулями – РММ, «Ракетный Механт-Модуль» – извлекали из них реакторы и отправляли в космос «в последний путь». Это было красиво, зрелищно и, в целом, достойно... вот только настолько дорого, что уже после третьего запуска деньги на производство «одноразовых» космических ступеней закончились. В правительстве говорили: «мы людей в космос должны посылать, МКС строить, – а мы вместо этого механтов просто так взрываем». Программа «Крыло» постепенно была свёрнута, производство РММ прекращено, и когда пришло время «Монолит-4» уходить на покой, его просто молча разобрали где-то под Ижевском, откуда он и был родом...

И про РММ с тех пор не было ни слуху, ни духу, и кажется, кроме Сидорова про них вообще никто не вспоминал. Но старик знал: один из первых прототипов ракетных механт-модулей всё ещё под Ивдельмашем. Нерабочий, возможно где-то ржавый, но хотя бы не разобранный полностью.

Клёнов покачал головой, укоризненно глядя на Сидорова.

– Это как-то связано с тем, что ты «Монолит-5» через полстраны пригнал именно сюда, в Ивдель?

Сухие губы Сидорова тронула ухмылка, а в глазах мелькнуло какое-то злое озорство.

– *Оператор, отслуживший больше десяти лет, имеет право выбрать, где механт будет утилизирован*, – сказал он. – Одно из правил, которое Лоев утвердил при запуске «Монолит-1». Только о нём почему-то все забыли, и когда я им напомнил, они решили, что я просто выберу завод, где его разберут. Посчитали это за старческий каприз. Ну я и выбрал Ивдельмаш, потому что здесь проектировали первые РММ, и ещё потому что здесь работаешь ты. Мне дали добро.

Глядящий на него Клёнов, кажется, совсем забыл о налитой в стопку водке.

– Ты что, сукин сын, задумал?

– Я уже тебе практически прямым текстом это прояснил, – Сидоров наклонился ближе, глядя исподлобья. – Оператор имеет право выбрать, где механт будет уничтожен. И я выбрал, где. Я не дам инженерной бригаде и пальцем тронуть «Монолит-5».

– Ты хочешь РММ на него нацепить и в космос отправить? Спешу тебя разочаровать, дружище, но те останки, которые лежат под «Ивдельмашем» – это всего лишь прототип, причём ранний. Да, в целом, рабочий, но ненадёжный, и в нём не хватает нескольких важных запчастей, без которых ничего не выйдет. И ещё топлива для рывка. И самое главное – долбаного разрешения на то, чтобы это сделать. Хрен тебе Дмитрий Антоныч даст превратить полигон в космодром, ты же всё здесь спалишь к чертям.

– Виталь, по-братски прошу. Помоги мне, по старой дружбе.

Клёнов тяжело вздохнул. От склочного и упрямого Сидорова слышать такие слова было непривычно, даже при условии, что они несколько лет не виделись. Видно, что они не дались ему легко.

– Ты не знаешь, о чём просишь, Юр...

– Знаю. И для этого мне нужен надёжный человек с инженерной смекалкой и заводским пропуском. Больше мне просить некого. «Монолиту» конец, Виталья. Он последний остался.

В обычном разговоре Сидоров из-за склочного характера мог и дерзить, и юлить, и насмехаться, и ёрничать, но не когда речь заходила о его верной машине. «Монолит-5» был для него больше, чем механтом, и когда речь заходила непосредственно о нём – особенно в последние годы – что-то ломалось в голосе старого оператора, как будто он говорил о своём неизлечимо больном ребёнке. Сидоров сам и рад был бы это скрывать... да не получалось.

– Если бы я его сюда сам не пригнал, сейчас его бы уже под Москвой разбирали. Но я же не дурак, понимаю, что просто отсрочил неизбежное. Всё равно возьмут и разберут, и никто их не остановит, потому что «Монолит» теперь никому не нужен и неудобен. Опасен даже.

– И ты хочешь, чтобы мы на РММ его в космос отправили?

– Основную технологию соединения я знаю. С установкой помогу. Нужно только привести РММ в действие и подстроить под «пятерку».

– Я даже не знаю, с чего начать, – вздохнул Клёнов. – Да что уж там, знаю: то, что ты предлагаешь, невозможно повернуть вдвоём. Нужна целая инженерная бригада, чтобы привести старый РММ в действие, и специальная техника, чтобы установить его на «Монолит». А топливо? Это же целый госзаказ, у нас на заводе его отродясь не завозили.

– Не надо топлива. Запитаем от реактора напрямую. Я уже всё продумал.

– «Продумал» он, посмотрите на него. А как энергию преобразовывать будем, не продумал? Чтобы преобразовать чистую энергию в тепловой контур и запитать РММ как надо, потребуются весьма редкие запчасти...

– Насколько редкие?

– ПП-4, например, или «Томск-11». Но ПП-4 лучше: «Томск-11» рассчитан на другие режимы, он не заточен под пиковые быстрые импульсы и по давлению и по теплоотводу туда лезть опасно... Стоп, подожди, у меня где-то были записи.

Встав из-за стола Клёнов убежал куда-то из кухни. Вернулся через пару минут с потрёпанной толстой тетрадкой в руках. Хлопнул ей на стол, раскрыл, начав листать.

– Так, где тут было, я записывал... Вот, ПП-4: удержание стабильного теплового канала порядка двух и семи десятых мегаватт, верхний допустимый порог тепловой нагрузки около четырёх мегаватт. Сопло – профиль Лавалья, а сама подача через трёхконтурную систему стабилизации и охлаждения...»

– «Томск» ставили на первый РММ, там он и порвался, – припомнил Сидоров.

Клёнов поднял глаза, будто ему только что в любви признались.

– Это потому что у ПП-4... – начал он.

–...установлен резервный демпфер скачков давления, – закончил Сидоров и ухмыльнулся.

Клёнов удовлетворённо покивал, теперь уже не скрывая растроганного взгляда. Неужели здесь, в Ивделе, ему настолько не с кем было разделить своё инженерное увлечение?

– Скучал я по тебе, Юрка.

3. РММ

...Около часа ночи охранник, сидящий на проходной, увидел двух входящих в двери мужчин. Один из них был ему знаком, второй, почтенного возраста с крайне недовольным лицом (тоже свойственным человеку его лет) – знаком не был.

Клёнов подошёл к охраннику, пожав руку.

– Здоров, Лаврентий.

– Ты что тут забыл, Виталь? – удивился охранник. – И кого привёл?

– А ты что, не узнаёшь? Это ж Юрий Сидоров!

– Сидоров? – брови охранника поползли вверх. – Так это ваш...

Он кивнул куда-то в сторону выхода – предположительно, имел в виду «припаркованный» на полигоне неподалёку «Монолит», который сейчас потихоньку заносило снегом.

– Мой, – кивнул Сидоров, подходя к стойке охраны. – Вас не предупредили?

– О чём? – охранник не поменялся в лице.

Клёнов наклонился ближе, заговорщически понизив голос.

– Слушай, дело государственной важности. Михалыч в курсе. Мы готовим механта к ремонту, так что ты Юрия Палыча будешь в следующие несколько дней иногда видеть. Если видишь – пропускай, он свой, и нужен, чтобы мы чего лишнего не демонтировали.

– Так а зачем вам внутрь-то? – не понял охранник. – Механт-то снаружи стоит.

– Слушай, не души попусту, – ответил ему Клёнов со вздохом, как будто ответ был очевиден. – Мы детали таскать будем, возможно вопросы выяснять. Я тебя по-человечески прошу: Юрия Палыча в лицо запомни, пропускай, если он захочет прийти, и помалкивай. Он ветеран, недавно с Афгана вернулся, знаменитость местная, мы потому ночью и пригнали, чтобы внимания не привлекать.

...Шагая по гулкому коридору мимо шумных цехов, не замолкающих даже ночью, он сказал Клёнову:

– Про Афган ты зря.

– Прости, Юр. Ради красного словца решил...

Сидоров махнул рукой. Клёнов потупился.

– Так ты придумал, где мы возьмём преобразователь потока? – он решил сменить тему.

Клёнов с радостью подхватил:

– Это не самое сложное, но с него всё равно начинать надо. При транспортировке РММ модуль сняли, он у нас числился как особо ценный, отдельно шёл. Есть шанс, что его оставили где-то в цехах, но если нет... будем собирать свой. Хоть черновой, лишь бы выдерживал запуск.

– Даже с твоими мозгами мы новый преобразователь за несколько дней не осилим, слишком сложно, – покачал головой Сидоров. – Нужно постараться найти рабочий.

Мимо прошёл заводчанин, толкающий перед собой рохлю, нагруженную каким-то хламом, и они предусмотрительно замолкли, чтобы не болтать лишнего.

– Куда, Виталь? Прямо?

– Прямо, прямо, я скажу, где поворот. Слушай, проблема-то вот ещё какая: как мы запускать-то его будем? Технологическая башня у нас есть, но... ты знаешь, как по технологии «Крыла» механтов запускали?

– Они с Байконура вроде стартовали, – Сидоров припомнил первые запуски «Монолитов» в последний полёт. Почётные, торжественные проводы... которые потом партия прикрыла из-за обилия бюрократической возни с модулями. – Механтов ставили спиной к пусковой башне, с её помощью прикрепляли РММ, и там же проводили пуск. Я своими глазами видел, как они сгорали. Ну, первые два, по крайней мере.

– Говорят, свернули их потому что осколков много падало, и выбросы от реактора в атмосферу были даже вредные.

– Говорят в Москве кур доят, – буркнул Сидоров недовольно. – Дорого это было, вот и всё. Жмотам в партии денег жалко стало, вот и объяснили отказ от программы хрен пойми чем. Помяни моё слово: когда-нибудь они и станцию «МИР» прикроют за ненадобностью, потому что денег жалко станет. И прощай, наш космос.

– Ну ты уж драматизируешь, – вздохнул Клёнов. – Вот здесь направо...

За неприметной железной дверью, которую инженер открыл длинным резным ключом, обнаружились решётчатые ступени, уходящие куда-то вниз. Путь освещали оранжевые лампы, и спуск напоминал вход в какой-нибудь бункер. Дальний вход был хорошо освещён, даже с их места Сидоров его прекрасно различал.

– У тебя ещё колени пашут? – спросил Клёнов. – А то лифта нет, придётся спускаться и подниматься.

– У меня всё пашет, как надо, – недовольно ответил Сидоров, ступая вперёд на лестницу. Впрочем, уже через десяток он почувствовал неприятное покалывание под чашечками, и примерно на середине пути остановился передохнуть, притворившись, что завязывает шнурки. Если Клёнов его обман и раскрыл, то предпочёл промолчать.

Помещение, куда они пришли, было не слишком просторным: когда Клёнов включил свет, загудели лампы, осветив каркас капсулы, похожей на ракетную ступень, отсоединяющуюся при выходе в открытый космос. Кое-где уже были видны следы работы Клёнова: корпус вскрыт, некоторые детали торчат наружу, сердцевина тоже проглядывается сквозь железную паутину.

– Прошу любить и жаловать... – вздохнул Клёнов. – РММ-0. Первый созданный и последний оставшийся.

«Созданный для космоса, но так туда ни разу и не вышедший», – добавил Сидоров мысленно, но вслух не произнёс, чтобы не показаться очень уж сентиментальным. Вместо этого спросил:

– Как вы его сюда затащили?

– Видишь платформу снизу? Она поднимается к ангару на верхних ярусах. Несколько подвальных помещений завода проектировались специально для обслуживания тяжёлой техники.

– А в подвал зачем прятать?

– Для секретности. До 80-ых Ивдельмаш работал по двум направлениям: гражданское машиностроение, но также ещё разработка и производство различных модулей для механтов. Отсюда модули поставлялись в Москву, Саратов и Тольятти. И конечно, для модулей нужны были разные по размерам пространства.

Сидоров прошёлся вдоль корпуса, оглядывая двигатель, который они собрались реанимировать. Кое-какие технологии его намётанный глаз узнавал... но всё же назначение части вещей от него ускользало, пускай с техникой он был знаком не понаслышке. Это возжигало в нём неясное, но сильно зудящее чувство раздражения.

Сидоров знал устройство «Монолита-5» почти досконально, несмотря на то, что операторам это было совсем не обязательно: механтов, как правило, обслуживали целые инженерные отделы и каждый винтик закручивали специально обученные для этого люди. Операторам только и оставалось что освоить управление да общие функции. Тем не менее, Сидоров за двадцать с лишним лет пилотирования проявил немалую настойчивость в том, чтобы досконально разобраться, как механт устроен и какой узел за что отвечает, чуть ли не кулаками махал, когда ему говорили, что какая-то информация о работе механта ему может не понадобиться или вообще секретна. Помимо упрямства у Юрия Сидорова была редкая, почти колючая острота ума: он жаждал понимать, разбираться и всё учитывать, и сильно злился, когда ему

в этом мешали. Скверный характер, унаследованный, по чьим-то рассказам, от бабки, происходившей из казаков, не помогал в долгих объяснениях, так что обычно Сидоров просто прикрикивал недовольным, чтобы они шли куда-подальше и не мешали, либо ворчал, всем своим видом давая понять, что спорить с ним бессмысленно. Стоило ли говорить, что сослуживцам с ним было порой очень сложно...

– На чертежи дашь взглянуть? – спросил он, проведя короткий осмотр модуля. Клёнов кивнул:

– Да, но учти, они все мои личные, «родных» толком не сохранилось.

Сидоров не сразу понял, что значит «личные», пока Клёнов не провёл его к небольшому верстаку, на котором было накидано множество бумаг. Одну из них, шириной почти со столешницу, он положил поверх остальных, придавив края гаечным ключом и какой-то массивной гайкой. Бегло оглядев чертёж, Сидоров понял: «личными» Клёнов называл чертежи потому что рисовал их сам.

– Как ты вообще в этом месиве что-то понимаешь? – спросил он недовольно.

– Не нравится, не смотри, – почти обиделся Клёнов. – Мне вот всё понятно.

Сидоров некоторое время скользил глазами

– И куда ставится преобразователь? – спросил он, прикидывая, где в Ивделе найти книги, чтобы побольше узнать про подобную технологию.

– Вот сюда, – Клёнов ткнул пальцем в чертёж. – Здесь теплообменник первого контура. Реактор механта, насколько я знаю, выходит на три мегаватта, а ПП-4 держит максимум два и семь. Если больше – матрица обугливается, давление скачет, и модуль просто сорвёт сопло.

– А рабочее тело?

– Аргон. Здесь баллоны. Вон там клапан. Не перепутай: красный закрытый, синий открытый. Если красный откроешь, давление уйдёт в обход и двигателю конец.

– А тут почему пусто?

– Здесь демпферная ниша для амортизаторов РММ. Но их достать сложно в последнее время из-за проблем с импортом. Китай границы закрыл и запчастями для механтов больше не делится.

– Угу, – Сидоров потёр пальцами впалые щёки, продолжая изучать схемы. – Ввели, суки, монополию на своих «Стражей». А здесь у вас их не осталось?

– Да хрен его знает. В инвентаризации стоят, а в кладовой нет.

– Значит, в нём нет ещё и амортизаторов, ясно. Чего ещё нет?

– Всё остальное, в целом, могу где-то подкрутить... Но ещё нужен нормальный контрольный узел синхронизации. Без него никак.

– Какой именно?

– Который сможет сгладить тепловые скачки. Реакторы «Монолитов» греют рывками, а узел должен эти рывки выравнять и подгонять под фазу рабочего тела. Иначе РММ долго он не проживёт.

– И что, есть у нас такой?

Клёнов издал долгое задумчивое «ссс».

– Видишь, тут какая история... В идеале нам нужен «Оникс». Это новая модель узла, но она хорошо нам подойдёт. Вот только в Ивделе их не найти: на ранних этапах ставили более дешёвые аналоги, которые сгорали к хренам. А других не было.

– И что, без «Оникса» вообще никак?

– Мы просто рискуем взлететь не в космос, а на воздух. И половина завода вместе с нами.

Сидоров тяжело вздохнул. Клёнов пожал плечами.

– Видишь, что я имел в виду? Тухлая это затея. Тут только останки от хорошей задумки. Потому как нормальные запчасти такого типа в Ивделе хер добудешь.

«Либо так, либо смотреть, как «Монолит-5» кромсает на куски инженерная бригада», – подумал Сидоров, уперевшись руками в стол и глядя на чертежи, как на непреодолимую стену.

– А если я это всё достану, – сказал он, – сможешь поставить?

Клёнов смотрел на него без эмоций какое-то время.

– Поставить-то, Юра, смогу, но даже если он заработает, у нас будет всего один шанс запустить его. Без пробных полётов, без вторых шансов. Понимаешь, как это рискованно? Да, и к тому же, нужно будет получить доступ к башне...

– Значит, время поджимает, – кивнул Сидоров решительно. Повернулся к Клёнову. – Я найду детали. А ты насколько сможешь приготовить РММ к установке.

– Юра... может не надо? У меня... у нас у обоих будут проблемы после этого. В лучшем случае просто уволят. В худшем – срок за саботаж и ещё хрен пойми за что.

– Я возьму всю ответственность на себя.

– Не получится: кто-то же в подвал тебя провёл. Охранник уже знает, что это я.

– Скажешь, что я тебя заставил, что угрожал тебе, дуло к виску приставил – что угодно придумай. Виталь, кроме тебя мне рассчитывать не на кого. У меня дороже «Монолита-5»... наверно, никого нет.

– А Настюшка?

Во взгляде Сидорова мелькнула грусть и явное сожаление, но сказанного было не вернуть, и он потупился.

– У неё своя жизнь, она про отца-то поди не вспоминает даже.

После недолгой паузы, Клёнов, поджав губы, положил на стол красные заводские корочки. Сидоров вопросительно посмотрел на него.

– Возможно, в седьмом цеху что-то можно найти. Как минимум, ПП-4 там может быть.

– И у тебя есть туда доступ?

– Доступ-то есть... Вот только оттуда ничего не вынесешь без специального разрешения, которое мне хрен кто даст. А ПП-4 это штука ещё и габаритная.

– Насколько?

– Ну... – Клёнов показал руками приблизительные размеры. – Как саквояж с инструментами, примерно. В карман не спрячешь.

– А окна в этом цеху как, надёжные?

– С решётками, если ты об этом.

Сидоров задумался.

– А если подделать разрешение?

– Ты в своём уме, Юр? Если узнают, – это статья. Для меня точно. А у меня жена...

– Ладно, значит, поищем другой способ.

Сидоров помолчал какое-то время, глядя в чертежи РММ, но теперь уже не видя их перед собой.

– Провести меня туда сможешь?

– Нет. Посторонним туда строго запрещено. А хуже всего, что даже не факт, что ПП-4 всё ещё там...

– Охранников знаешь?

– Я всех здесь знаю. Но подставлять никого не хочу, потому что меня здесь тоже все знают.

– Подставлять не надо: надо только уболтать и заставить отвлечься.

– Если я буду их отвлекать, то ты-то как сориентируешься? Цех немаленький, а ты даже не знаешь, как ПП-4 примерно выгля...

Он замолчал на мгновение, будто поперхнувшись. От внимания Сидорова это не ускользнуло.

– Что?

Клёнов не ответил, погружившись в глубокие раздумья и вперив глаза в пол. Так он стоял где-то полминуты, прежде чем поднять глаза на Сидорова.

– Думаю, мы сможем это безопасно повернуть. Но ты тоже должен будешь поучаствовать.

4. ПП-4

Охранник цеха №7 Николай Герасимов с самого начала работы наслушался от начальства, какое важное место он охраняет, но очень скоро понял, что то же самое говорили всем другим охранникам всех других цехов «Ивдельмаша». Не раз и не два за день совершая обход и раз в месяц сопровождая инвентаризацию, Николай убедился, что цех №7 полон стального ржавого хлама, который иногда ввозят, иногда вывозят на гремящих тележках или даже погрузчиках, но по факту никто не ворует его, потому что воровать нечего: через главную проходную завода детали, инструменты или технику всё равно не пронести, а конкретно в цеху №7 за каждый въезд и выезд существует расписка в журнале. Поэтому даже если таинственный Плюшкин решил бы затариться никому не нужной парой болтов, он столкнулся бы с серьёзными трудностями.

В тот день Герасимов заступил на смену вовремя, пропустил нескольких работников, сверяющих документы для бухгалтерии, после чего на несколько часов наступила тишина – и он решил, что в этот день цех №7 больше гостей не встретит, вытянул ноги у себя в копёрке и разгадывал кроссворд.

Он раздумывал над словом из четырёх букв, зашифрованным как «Страна, пославшая врагам в дар деревянного коня», когда из коридора послышалось приближающееся характерное дребезжание. Герасимов даже не поднял головы, когда к его посту приблизился человек в заводской робе, толкающий перед собой рохлю с чем-то, похожим на тяжёлую автомагнитолу, с торчащими резисторами, разъёмами под провода и какими-то схемами. Когда охранник, наконец, оторвался от кроссворда, то встретился взглядом с Виталием Клёновым, своим давним знакомым.

– Какими судьбами, Виталь? – спросил он.

Клёнов протянул ему бумажку.

– Старый ПП-4 везу. Списан на этот цех.

Герасимов взял бумажку и пробежался по ней глазами.

– Ни хрена себе. Это ж где вы это откопали?

Клёнов поджал губы так, что Герасимов сразу почувствовал неладное.

– Ты механта снаружи видел?

– Нет, я ж слеп на оба глаза. Как его можно НЕ увидеть?

– Ну вот. У него в технических отсеках завалилось много всякого. Что-то ещё можно использовать, а что-то...

– И что нам теперь, – недовольно произнёс Герасимов, ставя роспись в журнале и разворачивая, чтобы Клёнов в нём тоже расписался, – весь механт в цех тащить? Чё он вообще у нас забыл?

– Мне откуда знать, – Клёнов вздохнул, расписываясь. – Наше, Коля, дело маленькое: делать что говорят.

– Ну-ну... Четвёртый ряд, отдел А.

– Спасибо, друг.

Клёнов толкнул свою ношу вперёд, входя на территорию цеха. Дребезжание постепенно удалялось, а Герасимов бросил взгляд в одно из дальних стёкол, сквозь которое виднелся массивный красный наплечник механта. Действительно, куда на «Ивдельмаше» не встань, всё равно увидишь «Монолит-5». Страшно представить, что будет, если из него правда решат вытащить весь хлам. Всех цехов не хватит, чтобы это поместить.

– «Страна, пославшая деревянного коня...» – пробормотал охранник, возвращаясь к кроссворду и грызя кончик карандаша, и так уже пострадавший от его зубов.

Герасимов не знал, сколько времени прошло, но про Клёнова он уже успел забыть, когда по коридору раздался приближающийся топот. К проходной бодрым шагом приблизился лысеющий широкоплечий старик с густыми бровями и ужасно насупленным взглядом, одетый в старый коричневый пиджак и брюки. Он намеревался, видимо, пройти напрямую в цех, прежде чем Герасимов ему прикрикнул:

– Вы куда?!

Дед воззрился на него так, будто Герасимов его оскорбил.

– Сюда приходил мужик с рохлей?

– Вы что хотели, мужчина?

– Я тебя спрашиваю, мужик с рохлей сюда приходил? На ней ещё хреновина лежала, на радиоприёмник похожа.

– Вход в цех только по...

– Проходил или нет? – насупился дед.

Герасимов ничего не понимал.

– Вам он зачем? Вы кто?

– Юрий Сидоров, для тебя Юрий Павлович, я оператор «Монолита-5». А этот дурак сейчас отвёз на склад неверную запчасть, без которой механт не поедет! Пусти меня туда срочно!

– Успокойтесь пожалуйста, – убедительно сказал деду Герасимов, которого титулами смутить было сложно: он учёл урок своего первого дня, преподанный другими охранниками: на территории «Ивдельмаш» будь ты сам Господь Бог, – но через проходную проходи по записи. – Вам нужно подождать, пока Клёнов выйдет. Пустить вас в цех я не могу, вы там заблудитесь...

– Ты меня что, совсем за идиота держишь?..

– Сидоров! – раздался возглас издалека. Герасимов обернулся, увидев, как из глубин цеха приближается Клёнов – всё с той же тележкой, содержимое которой он так никуда не дел. – Ты что тут разорался, на другом конце завода слышно?

– Клёнов, дурья твоя башка! – громогласно воскликнул Сидоров, потрясая ему кулаком через турникет. – Ты зачем ПП-то вывез, скажи мне? Тебя просили БП-4 забрать, козёл ты драный!

На лице Клёнова отразилось изумление и почти обида.

– БП-4?! Так а я откуда знал?! Это ж совсем другой цех...

У Герасимова в голове наконец прояснилось, что происходит, и почему запчасть для космического модуля «Монолита» по документам внезапно оказалась приписана к цеху №7. Разумеется, решил он, не могло такого быть. Клёнов просто ошибся и что-то не расслышал.

– Вертай его обратно! И не дай бог ты что-то там поломал, руки оборву!

– Ну простите, ЮрьПалыч, ну не так услышал! – Клёнов спешно подкатил рохлю к выходу с проходной. Взглянул на Герасимова: – Слушай, давай притворимся, что этого не было? Путаница вышла, сам понимаешь...

– Как это «не было»? – Герасимов протянул ему журнал для росписи. – Всё было и я всё запомнил. Просто распишись, что то, что внёс, то и вынес. У меня без записи никто не пройдёт.

– Да что ж ты будешь делать... – вздохнул Клёнов, подходя и ставя рядом со своей росписью «ПП-4 ввезён на территорию цеха №7 Клёновым В.А.» ещё одну:

«ПП-4 вывезен с территории цеха №7 Клёновым В.А.»

– Ну вот так бы сразу... – Герасимов забрал журнал и мгновенно потерял к Клёнову с Сидоровым интерес.

***

– Раз, два... взяли!..

Вместе взявшись за ПП-4 с двух сторон, Сидоров с Клёновым в четыре руки подняли корпус с рохли и водрузили на стол рядом с РММ. От ПП-4 пахло как от старого холодильника. Клёнов с любопытством разглядывал его со всех сторон, пару раз сдвиг с него несуществующие пылинки.

– Ну как? – спросил Сидоров. – Это то, что нужно?

– Да... Лишь бы подмену не заметили.

– Вроде, муляж ты хороший сообразил. Я вот вообще разницы не вижу.

– Потому что у тебя глаз не намётан... – Клёнов взял блокнот с карандашом и погрузился в изучение ПП-4, что-то записывая. – Ты лучше подумай, где нам «Оникс» и амортизаторы достать. Я тебе характеристики запишу, а ты поищи... У меня тут дел по горло, да ещё и с тобой возиться. Опять у Людки отпрашиваться на ночные...

– Что, родная жинка хуже начальника, а, Виталь?

– Да идёшь ты пляшешь, блин. Тебе-то хор... – Клёнов запнулся на полуслове. Сидоров, поняв неслучившуюся оговорку, махнул рукой, хоть и поморщился.

– Ничего, бывает.

Надежда Григорьевна Сидорова несколько лет назад умерла от сердечной недостаточности. Проживший в браке больше двадцати лет – всего лишь немногим больше, чем срок пилотирования «Монолита-5», – Юрий Сидоров, по словам очевидцев, стал после смерти жены ещё более чёрствым, чем раньше, хоть и отказывался признавать, что это как-то вообще на него повлияло. Кто-то говорил, что «Наденька» была для него вообще одной из немногих причин возвращаться домой со службы, и единственной из всех была способна во мгновение смирить его раскалённый нрав. Вскоре после её кончины родная дочь Настя тоже от отца отдалилась по известным только им двоим причинам, и теперь, кажется, у Сидорова действительно остался лишь механт.

– Ну, может хоть намекнёшь, где амортизаторы-то достать?

– Да, давай соображать, – Клёнов с радостью отвлекся от неприятной темы. – Эмм... Возможно, Разницкий может знать...

– Это кто?

– А, кадр один. Ушёл с «Ивдельмаша» несколько лет назад за регулярные запои. Но он с РММ... скажем так, имел дело, пока не запил.

– Ты меня к пьянице за деталями посылаешь?

– То, что он пьяница, не значит, что не соображает. Когда трезвый был, соображал за десятерых, да только судьба у него печально сложилась, вот к бутылке и пристрастился. Так что вполне возможно, что амортизаторы, пока был тут, он вытащил да себе заграбастал.

– Разве он не продал бы их тут же, если бы украл?

– Может, и продал. Да только, думаю, он где-то их себе мог приспособить или на память оставить, мало ли.

– Ладно... Гони тогда номер его или адрес.

***

Выходя с проходной «Ивдельмаша», Сидоров по привычке бросил взгляд на «Монолит-5», стоящий у технологической башни – просто ритуал «на всякий случай» – и заметил у его подножия фигурку человека. Учтывая, что заводским подходом к механту запрещалось до отдельного распоряжения, что-то нехорошее шевельнулось внутри старого оператора, и тот, игнорируя ноющие после долгой лестницы колени, всё же решил подойти к человеку.

Метров с пятнадцати он узнал со спины Харрисона – и хотел уже развернуться, чтобы тихо уйти, однако партработник заметил его, развернувшись первым, и дежурно улыбнулся.

– Добрый день, Юрий Павлович.

– И вам... добрый, – Сидоров поплотнее запахнул пальто. – Что, уже оцениваете, сколько себе заберёте?

Харрисон покачал головой.

– Я ничего не получу с «Монолита». Его утилизируют не для продажи на запчасти.

Тон у Харрисона был спокойный, будничный, и наверное именно это бесило Сидорова больше всего.

– Вы считаете, что он больше не нужен, – произнёс он негромко. – Вот только он больше, чем механт. Разбирать его – значит, историю страны на части разобрать и распродать.

– Если вам интересно, в верхах уже обсуждали варианты, как его можно использовать, в том числе организовать выставку или экспозицию, – Харрисон задрал голову, устремив взгляд куда-то далеко ввысь, туда, где располагался пустой головной отсек механта. – Вот только такую громаду ни один музей не вместит и на ВДНХ его как экспонат не поставишь. Однако, я слышал, в Петербурге ставят памятник пяти «Монолитам», а часть улиц назвали в честь инженера Лоева.

– Так вы-то здесь зачем?

– За вами, Юрий Павлович. Пришёл поинтересоваться, что вы делали на территории «Ивдельмаша»... Сперва я подумал, что вы решили проверить состояние «Монолита», но здесь я вас не нашёл, и в основных цехах, где идёт работа, вас тоже не было. Позвольте удовлетворить мой интерес?

«Везде вынюхивает, шавка, – зло подумал Сидоров. – Только в подвал заглянуть не догадался, иначе бы всё понял».

– Навещал старого приятеля, только и всего.

– На предприятии в рабочий день?

Сидоров повёл плечами.

– Вы, Харрисон, если хотите что-то спросить, так спрашивайте, резину не тяните. У меня за душой ничего, кроме старого железа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.